

ПРОФЕССИЯ И ОБЩЕСТВО

Рассуждения
о науке
психологии

Экспертиза
и сертификация

Стандарты
в психологии

Рассуждение о науке психологии с восклицательным знаком¹

Текст: В. М. Аллаhverдов

Неизвестное сознание

Все пророки человечества направляли людей по единому пути — по пути самопознания и самосовершенствования. Человек всю свою жизнь, вторили им гуманисты всех времен и народов, ищет ответ на два вопроса: зачем он пришел в этот мир и как ему в этом мире жить? Следование их призыву подчеркивало ответственность человека за совершаемые им поступки и свободу в выборе своей судьбы. На пути самопознания человек должен разобраться, в какой именно мир он пришел, и осознать, кто такой он сам, пришедший в этот мир. Однако этот путь никогда не усыян лепестками роз — потому что вот беда: как человек может решить, например, что построенное им сознательное представление о самом себе верно? Для этого надо построенное представление сопоставить с самим собой, но это кажется нелепым. Ведь тогда еще до начала пути самопознания надо знать итоговый ответ. Но если ответ известен, то зачем его искать? Многие, дабы избавиться от подобных интеллектуальных мучений, останавливались в самом начале движения, ибо

даже то, что они успевали понять, сразу оказывалось лишь запутывающей фикцией, обманкой. Только могучим духом это не приводило в отчаяние.

Вот типичный пример путаницы на пути самопознания. Все люди называют здоровье в качестве одной из главных жизненных ценностей. Действительно, кому хочется болеть? Но, с другой стороны, подавляющее большинство ведет себя так, будто хочет всячески этому своему здоровью навредить: курят или неумеренно пьют, мало двигаются, переедают или, наоборот, изнуряют себя диетами, не обращаются вовремя к врачам и т.п. Говорят: лучше жить здоровым и богатым, чем бедным и больным. Но почему тогда именно в здоровых и богатых странах меньше рождаемость и больше самоубийств? Почему психотерапевты требуются богатым и физически тренированным голливудским звездам гораздо чаще, чем библиотекарям и водопроводчикам? Может, здоровье — это вовсе и не цель, и не ценность, а лишь необходимое условие для выполнения какой-то иной главной цели, ради которой можно и здоровьем пренебречь, да даже и на смерть пойти?

¹ Статья представляет авторское соединение публикаций: Не пора ли нынче, братья-психологи, начать новые песни и не растекаться мыслью по древу? // Психология (журнал высшей школы экономики), 2004, №4, с.113-125; Осознание власти и власть сознания // Психология власти, СПб., 2005 (перепечатано в «Новом журнале»); Взгляд на сознание сквозь розовые очки когнитивизма // Аллаhverдов В.М. и коллеги. Экспериментальная психология познания: Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006). Поддержано грантом РФФИ № 05-06-80384.

Все, что связано с сознанием, попадает в круговорот обманок, когда правда оказывается ложью, а ложь правдой. Многие ученые (среди них, как ни странно, даже выдающиеся психологи) утверждают, что главная задача человека, как и любого биологического существа, — выжить. И редко обращают внимание на загадочность этого утверждения. Все люди умирают. Так что ж, никто не выполняет своего предназначения? Не предложено ни одного удовлетворительного критерия, позволяющего хотя бы оценить, кто из людей ближе подошел к решению поставленной задачи, т.е. кто из них выживает лучше. Как оценить, кто в истории эффективнее выживал: Сократ или его обвинители? безымянные строители храма Артемиды Эфесской или Герострат, сжегший этот храм? силой захвативший власть Цезарь или индийский царь Ашока, добровольно от власти отказавшийся? застрелившийся В. Ван Гог или доктор Гаше, лечивший его от безумия? большой туберкулезом А.П. Чехов или здоровые ямщики, везшие его на Сахалин? Нелепо также спрашивать, кто эффективнее способствовал выживанию человечества: балерины, ткачи, полководцы, пастухи-долгожители, филателисты, фараоны или стеклодувы? Но раз нет критериев, то человек не может определить, что именно он должен делать, чтобы выживать эффективнее. Сформулированная цель не задает никакого поведения.

Впрочем, уже в самой биологии представление о выживании весьма загадочно. Никаких осмысленных критериев выживания не предложено. По продолжительности жизни вида одними из самых приспособленных оказываются вечнозеленые водоросли, по продолжительности жизни индивида — некоторые виды деревьев, по общему объему биомассы на всей Земле — муравьи, ну, а по плодовитости чумная бацилла явно побьет возможности человека. Для биологов все существующие сегодня виды (будь то пчела, курица, дельфин или человек) обладают одинаковым уровнем приспособленности — все они, в отличие от мамонтов, выжили. Более того, утверждается, что не только сами организмы, но и все биологические свойства этих организмов существуют (т.е. выживают) только потому, что они способствуют успешному выживанию. А отсюда уже де-

лаются парадоксальные выводы, например: раз все живое смертно, то сама смерть способствует выживанию (ср. Коган, 1977, с.65).

Разумеется, условием сознательной деятельности человека является само существование этого человека. Но все же ценен он не самим фактом своего существования, не количеством детей, которых успел

А сознание, собственно говоря, тогда вообще не нужно. Если же решение, принимаемое сознанием, ничем не обусловлено, то сознание и не может его принять, поскольку для этого у него нет никаких оснований. Не удивительно, что сами психологи стали трактовать человека просто как автомат по переработке стимулов. Бессмысленно изучать сознание, заяви-

Бессмысленно изучать сознание, заявили отчаяния бихевиористы, ибо нельзя изучать то, что не подлежит ни наблюдению, ни измерению

породить, не материальными вознаграждениями, которые получал, а своей *сознательной активностью*. Уверен, что общественное устройство должно ориентироваться на человека именно и, прежде всего, как на существо сознательное, а следовательно, обеспечивать эффективность работы сознания, а не желудка. А если это так, то психологи более всех должны именно себя винить за то, что у современного общества нет осознанного вектора движения. Ведь кто иной, кроме профессиональных исследователей сознания, способен ответственно указать направление, в котором следует плыть? Однако психологи до сих пор не пришли к согласию в том, какую функцию в человеческой жизни выполняет сознание, не смогли дать вразумительный ответ о природе сознания. Как пишет В.П. Зинченко, «живое сознание, при всей своей очевидности, упорно не поддается концептуализации» (Зинченко, 2004, с.11). Если только, конечно, не объяснять его с помощью еще более загадочного. Ведь всегда можно рассматривать сознание как легкое дыхание космоса или радостно называть его хаотическим аттрактором (ср. Комбс, 2004), как будто это что-нибудь объясняет.

До сих пор не ясно, например, каким образом человеческое сознание может проявлять свободную волю и делать самостоятельный выбор. Ибо если сознательное решение предопределено какими-нибудь причинами (генетическими, социальными, ситуационными, прошлым опытом, таблицей случайных чисел или чем угодно еще), то никакого свободного выбора нет, решение принимается автоматически.

ли от отчаяния бихевиористы, ибо нельзя изучать то, что не подлежит ни наблюдению, ни измерению. И породили совершенно нелепую *психологическую* концепцию, лишённую психики и сознания, но зато эффективно разрабатывающую способы манипулятивного воздействия. На западном небосклоне сознание как реальность извлекли из психологического небытия гуманистические психологи. В своих психотерапевтических изысканиях они выявили феномен излечения осознанием — пациенты, оказываются, способны вылечиться после того, как начинают правильно осознавать стоящие перед ними проблемы. Правда,

**Виктор Михайлович
Аллахвердов**

доктор психологических наук,
профессор кафедры общей
психологии факультета психологии
СПбГУ

остаётся совершенно неизвестным, как и почему это может происходить. Предлагаемые гуманистическими психологами идеи трудно назвать ясными. Например, они так решают проблему свободы. Сознание обладает свободой, говорят они, но проявления этой свободы строго детерминированы. Для непонятливых повторяют: *свобода, несмотря на детерминизм*, — с диалектической прямоотой поясняет К. Роджерс, по сути, повторяя известный тезис марксизма: человек «использует абсолютную свободу, когда спонтанно, свободно и добровольно выбирает и желает того, что абсолютно детерминировано» (Роджерс, 1994, с.244).

В отечественной психологии сознанию всегда отводилась едва ли не решающая роль. Замечательно пишет Г.В. Акопов, предвещая отечественные подходы к проблеме сознания: «Сознание — величайшая ценность, данная человеку без особых претензий, специальных усилий или, тем более, благодарностей за владение этой ценностью с его стороны» (Акопов, 2002, с.4). Однако все же роль сознания скорее декларировалась, чем реально объяснялась. Вот пример стандартной невнятности в отечественных словарях: «Сознание — высшая форма отражения ...» Да полно! В сознании, разумеется, как-то отражается реальность, но человек неосознанно воспринимает, хранит и перерабатывает гораздо больше информации, чем осознает, неосознанно существенно быстрее находит закономерности в окружающей среде, без контроля сознания гораздо лучше регулирует силу и точность своих действий. Лишь малая часть поступающей информации и при том с весьма солидным запаздыванием становится доступной сознанию. Мозг — гигантский биокомпьютер, перерабатывающий информацию, поступающую от всех органов чувств. Само же сознание, в отличие от мозга, непосредственно не обладает ни инструментами отражения, ни средствами обработки отраженной информации. Более того, как известно, именно сознанию человека свойственно ошибаться. Какая уж тут высшая форма отражения!

А вот еще одно типичное и также, по сути, совершенно непонятное клише: «Сознание — интегратор психических процессов ...» Это притом, что о психике мы заведомо знаем еще меньше, чем о сознании, вообще зна-

ем о ней лишь по аналогии с сознанием. И уж, конечно, не знаем толком, ни что она такое, ни что конкретно делает, ни, тем более, на какие именно различные психические процессы распадается и зачем эти процессы надо интегрировать. Для примера: вот что написано про психику в «Большом толковом психологическом словаре»: «Этот термин является избитым результатом объединения философии и психологии. На

человек способен к самопожертвованию. Наконец, экспериментально можно показать, что сознание обладает *неадаптивной* активностью (см., например, *Петровский*, 1996). И представление об информационных перегрузках выглядит таинственным, особенно, когда далее сообщается, что именно делает сознание, чтобы от этих перегрузок избавиться: *оно*, говорят нам, *сокращает информационные потоки, отсекая ненужную ин-*

Бедные студенты, что должно произойти в их головах, чтобы у них возникло ощущение, будто они понимают, о чем идет речь в учебнике?

некотором глубинном уровне мы его нежно любим и лелеем и видим в нем большой потенциал, но из-за нашей собственной несостоятельности непрерывно злоупотребляем им, грубо прибегая к излишним домыслам» (Ребер, 2000, т.2, с.138). Как тут реально обсуждать, как происходит процесс интеграции неведомого?

Р. Герриг и Ф. Зимбардо, вдохновленные во многом «когнитивной теорией сознания» Б. Барса и эволюционистским подходом, так говорят о роли сознания в учебнике, выдержавшем 16 изданий, последнее из которых напечатано в США уже в XXI в. (Герриг, Зимбардо 2004, с.248-249): *Сознание способствует выживанию человеческого рода, помогает адаптироваться к окружающей среде, спасает от информационных перегрузок. Оно развивалось в условиях суровой борьбы с самой враждебной силой своей эволюционной среды — с другими людьми. Те, кто изобрел язык и орудия труда, выиграли главный приз выживания самого приспособленного ума и, к счастью, передали его нам.* Сказано красиво, но абсолютно загадочно. Разве сознание — это инструмент, предназначенный для адаптации в непрерывной и суровой борьбе организмов за жизнь? Обычно для непосредственного решения задачи жизнеобеспечения сознание не только не нужно, оно может даже мешать, нарушая спасительные автоматизмы организма. Известно, что люди, попав в катастрофу, часто погибают не от непосредственного физического воздействия, а от ужаса, который охватывает их сознание. Более того, только благодаря сознанию

формацию; избирательно хранит информацию; планирует поведение. Для того чтобы отсечь ненужную информацию, ее надо принять, переработать, а потом отсечь. Как это уменьшает информационную нагрузку?

Впрочем, в этом тексте все непонятно. Ведь отбор информации, ее классификация и хранение, даже планирование — все это происходит на неосознаваемом уровне. А как, собственно, может быть иначе? Человек действительно получает гораздо больше информации, чем осознает. Но предположение о том, что можно *осознанно* решить, какую информацию из всего этого потока не следует осознавать, противоречит логике: как можно осознанно что-нибудь не осознавать? А что может делать сознание для избирательного хранения информации, если многими психологами считается, что независимо от сознания в памяти и так хранится вся поступившая информация, да еще с отметкой о времени поступления. Наконец, осознанное планирование на основе ограниченной информации не может быть лучше, чем планирование на основе всей поступившей. Не удивительно, что неосознанно решение зачастую принимается существенно быстрее и точнее.

Но читаем дальше: *сознание предоставляет огромный потенциал для гибких реакций на изменяющиеся требования жизни.* Замечательно: чем меньше информации получаешь и хранишь в памяти, тем больший потенциал имеешь, тем более гибко реагируешь. Не правда ли, разумно? В следующем же абзаце авторы сообщают: *создаваемый сознанием*

субъективный конструкт реальности — это уникальная интерпретация текущей ситуации, основанная на знаниях, прошлом опыте, потребностях, ценностях, целях субъекта. Словами «субъективный» и «уникальный» только сделан вид, будто в сознании как-то самостоятельно строятся конструкции — на самом деле утверждается обратное: конструкт строго детерминирован знанием, опытом, ценностями и пр. *Этот конструкт должен быть относительно устойчивым, т.е. неизменным, чтобы ощущение себя сохраняло целостность.* По отдельности сказанное, вроде бы, выглядит гладко. Но если сопоставить процитированные высказывания друг с другом, то, на мой взгляд, получим нечто странное. Оказывается, только построенные каждым человеком на свой лад уникальные и при том неизменные описания мира способны гибким приспособительным реакциям на изменения окружающей среды. Неизменность редко порождает гибкость. Единственная возмож-

назначено для выполнения какой-то иной функции. По-видимому, что-то в принципе неправильное содержится в наших обычных рассуждениях о природе сознания. Однажды я уже писал (и затем весьма подробно описывал множество разных не имеющих решения головоломок): «Воистину наше сознание творит чудеса! Оно каким-то невероятным образом помнит о том, о чем забывает, умудряется воспринимать невоспринятое и различать неразличимое, ошибки превращает в истину и способно успешно решать загадки, решению, на первый взгляд, не подлежащие. Сознание обо всем догадывается, хотя знает лишь о том, о чем ведать — не ведает, а, в довершение, зачастую не имеет ни малейшего представления о том, что ему хорошо известно» (Аллахвердов, 2003, с.12). Может, прав М.К. Мамардашвили (1996, с.215) и «сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего?»

Природа сознания может быть

объектов. Например, человека можно рассматривать как идеальную познающую систему, не имеющую никаких физиологических ограничений на свои познавательные возможности. Конечно, это только идеализация. Разумеется, ограничения существуют, но — утверждается — в теории ими можно пренебречь. Приняв такую идеализацию, мы заранее утверждаем, что объяснение всех психических феноменов должно опираться только на логику познания (а не на физиологию, биологию, социологию и пр.). Это значит также, что психика и сознание в принципе подлежат непротиворечивому (т.е. логически корректному) описанию. Важно понять: если мозг идеально приспособлен для познания, то зачем ему для познания еще нужно сознание, что именно оно делает? Без понимания этого бесперспективен поиск физиологов локализации сознания в мозге. Можно искать то, не знаю что, можно даже нечто найти, но никогда нельзя доказать, что нашел именно то, что искал.

Можно искать то, не знаю что, можно даже нечто найти, но никогда нельзя доказать, что нашел именно то, что искал

Бессознательное общество

ность их соединения, которую я могу себе представить: неизменное понимание обеспечивает наилучшие реакции к гибким условиям среды, только если оно правильное. Но и эта возможность отвергается: правильное понимание должно быть единственным, а каждый человек, утверждает, строит свои собственные уникальные конструкты, следовательно, таких конструктов — множество... Бедные студенты, что должно произойти в их головах, чтобы у них возникло ощущение, будто они понимают, о чем идет речь в учебнике? И ведь это пишат действительно первоклассные исследователи.

Психологи с переменным успехом изучали, в основном, регулятивную и отражательную функции сознания. Однако мозг сам по себе вполне способен отражать реальность и регулировать деятельность без помощи сознательных процессов. И гораздо лучше, чем сознание, приспосабливается к изменяющейся среде. Не страдает мозг и от информационных перегрузок, от которых его необходимо спасать. Сознание явно пред-

описана только в теоретических построениях. Сознание как эмпирический термин отражает эмпирическое явление — явление осознанности, факт представленности человеку картины мира, ее непосредственной данности, самоочевидности. Но эмпирическое описание не может содержать в себе объяснения самого явления. К тому же, эмпирическая очевидность может быть ошибочной. Вот поясняющий пример. Наблюдатель Аристотель обнаруживает, что тяжелые тела падают быстрее легких. Это подтверждается тысячелетним наблюдением за падением предметов. Леонардо убеждается в этом с помощью специально поставленных опытов. И тем не менее Галилей утверждает, что Аристотель ошибался. Данное явление связано исключительно с сопротивлением среды, а скорость свободного падения тел не зависит от их массы. С этого утверждения Галилея начинается теоретическая физика. Путать теоретическое и эмпирическое описание опасно.

Любая теория строится не для реальных, а для идеализированных

Не удивительно, что столь же невнятные идеями наполнены современные макроэкономические и социологические модели развития общества, направленные, прежде всего, на удовлетворение самых примитивных потребностей организма (стилистически это маскируется, конечно, более благопристойными фразами о всеобщем благоденствии или развитии благосостояния). Человек в экономических теориях ориентирован исключительно на потребительские блага. Он выступает как *рациональный максимизатор полезности*, все знающий о себе (в том числе осознающий все свои потребности), и о мире (способен учесть все воздействующие на него факторы). Дело не в том, что такое представление не соответствует реальности — теории на то и теории, что они строятся не для реальных, а для идеализированных, т.е. заведомо не существующих, объектов. Проблема в том, что эта идеализация ведет в тупик. Ведь предполагается, что максимизация полезности вычисляется, а потому человек, по этой своей идеализированной сути, выступает как хорошо считающий компьютер. Но если человек — это автомат, пусть даже сверхслож-

ный, то он, как всякий автомат, лишен свободы воли. А потому, в частности, все слова о свободе, правах и ответственности человека являются лишь ничего не значащей политической риторикой.

Но человек — это, прежде всего, существо сознательное, способное самостоятельно и ответственно

ны — творческий полет экономической мысли Е. Гайдара со товарищи.

Наши замечательные экономисты вдохновились великой теоретической идеей: товар стоит столько, сколько за него платят. Беда в том, однако, что как только эта эмпирическая банальность, известная каждому мальчишке на базаре, возводит-

тичной нежностью к самим себе объявившие себя олигархами, как и положено наркобаронам (пусть денежным), криминализировали и растлили общество. Власть же, привыкшая рассматривать людей как рациональных максимизаторов полезности, с изумлением констатирует, что люди таковыми не являются (в частности, далеко не все из них впадают в денежную наркотическую зависимость). Признание этого факта, однако, ведет не к опровержению изначально нелепой позиции, а к утверждению, что люди — это, к сожалению, даже не идеальные роботы. Политтехнологи своими мнимыми успехами этому и учат: к народу надо относиться как к быдлу. (По Библии и Корану, правомерность сходного взгляда на людей доказывает себе и Богу изгнанный из рая бес, за что, кстати, ему присваивается квалификация сатаны или шайтана, т.е. *противника рода человеческого*).

Вся сегодняшняя политическая терминология, основные идеологические позиции появились, по существу, не позднее XIX в. и сильно устарели. Жизнь показала утопичность большинства этих конструкций. Все тоталитарные правители с неизбежностью теряли управление над созданными ими монстрами, потомки их проклинали, а созданные ими государства с треском разваливались. Религиозные общества всегда отходили от своих истоков и либо трансформировались в обрядово-тоталитарные, когда исполнение ритуальных предписаний становилось важнее духовного порыва, либо преобразовывались в светские государства. Все построенные социалистические общества оказались пародией на социалистическую идею. А сейчас мы с удивлением наблюдаем, как становление так называемого гражданского общества, устремленного, вроде бы, на повышение активности населения, возрастание его роли в принятии решений, в реальности ведет к обесмысливанию жизни и к общественной пассивности. Сегодня в мире существует некоторая структура управления обществом, весьма произвольно названная демократией, и считающая себя единственно возможным образцом народовластия. При этом хорошо известно, что демократические общества превратили демократию в хорошо оплачиваемое шоу. Но что делать? У. Черчилль со своей любовью к афоризмам уже со-

Россия не может идти ни западным, ни восточным, ни, тем более, самобытным путем, ибо все эти пути бесперспективны

делать выбор. И только благодаря сознательной деятельности реализуются создаваемые культурой идеалы, будь то высокие духовные ценности или идеалы благополучия и благосостояния. Абсурдно рассматривать человека как биологический автомат. И строить модели оптимального благосостояния так же бессмысленно, как строить модели наилучшего выживания. Основная ошибка существующих моделей социального развития состоит в том, что, претендуя на создание социальных идеалов, мы приравниваем человека к животному! Нас же почему-то призывают именно эти модели считать удачными, хотя все при этом и говорят замечательные слова: свобода, братство, доброта, совесть, милосердие, любовь, справедливость и пр. Но что делать экономистам и политикам с этими сладкими, но плохо формируемыми словесными конструкциями? Они, разумеется, тоже любят подобные слова произносить, но не могут воплотить их в социальных моделях, ибо не знают, что именно надо воплощать.

Ведь даже экономисты в глубине души знают, что не хлебом единым жив человек. А потому и попытки воплощения их моделей в жизнь приводят к ужасающим последствиям. История учит: как только теоретик-экономист начинает реализовывать свои модели на практике, так получается как нельзя хуже. По-видимому, одним из первых свои либерально-экономические «Размышления о создании и распределении богатства» реализовал великий Тюрго во Франции, что, в конечном счете, привело к столь тяжким последствиям, что без революции и гильотины уже было не обойтись. Последний пример уже из истории нашей стра-

на в ранг теоретического положения, так тут же она выступает как призыв к мошенничеству. Ну, зачем, например, улучшать качество товара, если гораздо эффективнее так воздействовать на сознание (рекламой и другими средствами манипуляции), что человек начинает платить за него больше? У нас почти мгновенно конкуренция превратилась в коррупцию (поскольку это эффективный способ повышения цен), тут же заглохло производство (ибо зачем что-то производить, если дешевле поднимать цены на уже ранее произведенное?), канули в Лету многие социальные программы как затратные (а, следовательно, экономически нелепые) и пр., и пр. В итоге произошло обесценивание ценностей культуры, ценности самой жизни и, как следствие, криминализация и наркотизация общества, резкое возрастание числа убийств и самоубийств. Но разве могло быть иначе? Ведь сознание — принципиальное достояние человека, придающее его жизни смысл, — существует в моделях экономистов лишь как то, чем следует манипулировать. Кстати, разработчики экономической системы нашего государства были последовательны и на себе подтверждали свои теоретические позиции: их труд тоже оценивался не по достигнутым страной экономическим успехам, а по тому, сколько за этот труд платят. Строго в соответствии с собственными теоретическими построениями романтические идеологи капитализма вынуждены были в одночасье стать очень богатыми людьми.

Объявление денег главным критерием жизненного успеха, создали у многих людей *наркотическую зависимость* от процесса получения денег. Властители денежных дум, с ан-

здал все оправдывающий миф: демократия — это наилучшее из всего заведомо плохого. Но, может, все-таки есть что-нибудь получше? Во-первых, никто толком никогда не обсуждал, почему под демократией следует понимать только одну из многих сотен демократических моделей. В античной Греции и во Флоренции, например, бросали жребий при назначении на ответственные посты, избавляя народ от участия в шоу под названием «выборы». (Правда, даже избрание по жребию не помешало банкиру К. Медичи на корню скупить всю флорентийскую демократию). Существуют весьма любопытные версии новгородской, мусульманской, венецианской демократии и т.п. Во-вторых, разве есть кто знающий, почему *сегодня* (а не в архаической античности, не обладавшей, в частности, *психологическими* методами отбора) именно демократия — как власть многих — предпочтительнее аристократии — власти немногих, но действительно лучших? Не пора ли задуматься о том, каким должно стать *послдемократическое общество*?²

Технологическая революция резко изменяет мир. Стоит ожидать, что многие смыслы, которые сегодня кажутся важными, вскоре потеряют всякое значение. Сколько людей сегодня оправдывает свое существование необходимостью борьбы за кусок хлеба! Психологические эксперименты показывают, что на самом деле такое оправдание — чаще социальный стереотип, чем отражение реальной физиологической потребности. (Говорят, Будде было достаточно шести семечек в день). Поэтому же многие одновременно борются с переизбытком. Вполне вероятно, что наступит момент, когда технологии будущего смогут досыта накормить все человечество. Но, как ни странно, вряд ли это приведет к счастью. Наоборот, у многих людей наступит деморализация или депрессия, так как они просто утратят смысл своего существования. Какое же общество надо строить, толком не зная и даже не предполагая тех технологических изменений, которые наверняка произойдут?

Любая власть, опирающаяся на представление о лишенном сознания человеке, демонстрирует триаду основных облигатных симптомов ши-

зофрении. Такое отношение к людям, даже у самых честных и толковых правителей, *вынужденно* порождает психопатологические роли, которые они призваны далее играть.

Во-первых, аутизм — уход в себя, погружение исключительно в собственные проблемы, стремление избежать контакта с реальным миром, осуществляемое с потрясающей гибкостью (как известно, аутичный ребенок, якобы почти не воспринимающий окружающее, с потрясающей ловкостью обходит людей и предметы, дабы с ними не соприкоснуться). Но иначе и не может реагировать

ональное отупение. Властитель поданным — не товарищ. Поэтому, например, нам ничтоже сумняшеся объявляется: давайте сделаем зарплаты министрам в сотню раз выше, чем обычным людям, иначе, мол, бедные министры вынуждены брать взятки. Очевидно: если у нас столь морально нечистоплотные министры, то их гнать надо со всех постов, а не повышать зарплату. Да, они и не станут вдруг после повышения зарплаты морально чистоплотными, а просто повысят размер взяток. Поэтому такое объяснение (а, кстати, не само по себе повышение зарплаты) вызы-

К сожалению, психологи боятся делать реальные выводы даже из того, что знают

властитель, тратящий на исполнение своих властных полномочий всю свою энергию, не имеющий из-за этого никакого свободного личного времени, несущий за все колоссальную моральную ответственность и чувствующий, что те люди, ради которых он все это делает, — на самом деле совсем не роботы, работу которых он, якобы, оптимизирует. Предсмертный выкрик Гитлера: «Германия оказалась недостойной меня!» — конечно же, характеризует прямую личную патологию злодея, но ведь многие руководители при своих неудачах испытывают сходные чувства.

Во-вторых, наблюдается психическое расщепление — двойственность поступков, действий, одновременное сосуществование чувств, намерений и мыслей противоположного характера. Констатация такого состояния у самих себя властители прикрывают красивой фразой: политика — это искусство возможного. (В искусстве двойственность и противоречивость не просто возможны, они необходимы /Аллахвердов, 2001). Но зато поведение других властителей уже прямо оценивается ими как политика двойного стандарта. В советское время был популярен анекдот, когда бабушка жалуется врачу, что она говорит одно, думает другое, а делает третье, врач же в ответ заявляет: «Ну, бабушка, мы от марксизма не лечим». Сейчас выяснилось, что марксизм здесь не при чем. Это типичная позиция любой власти, манипулирующей своими подданными.

И, наконец, в-третьих, эмоци-

вает гнев и раздражение нормально-го человека. Но эмоциональные переживания властью не воспринимаются. Ведь невозможно сочувствовать людям, лишенным сознания, — без сознания нельзя чувствовать.

Россия за последние 15 лет еще раз показывает миру путь, по которому никому не следует идти, что, по ехидному высказыванию П.Я. Чадаева, сделанному аж два века назад, вообще является миссией нашего отечества. Вначале мы, якобы, извратили социализм, а теперь, вроде бы, старательно извращаем капитализм. Но ни Россия, ни россияне не виноваты в этих кажущихся извращениях. Мы просто слишком буквально восприняли объявленную идеологию, поверили в ее осуществимость. Россия, обладая одной из самых лучших образовательных систем в мире, будучи по своему гигантскому пространству, по запасам полезных ископаемых и т.д. потенциально самой богатой страной Земного шара, но, *утратив неписанные традиции капиталистической жизни*, явным образом показывает, куда на самом деле ведут эти идеалы. Вполне умные и образованные люди в России просто стали буквально осуществлять то, к чему идеалы призывают. Тут же выяснилось, что это совсем не то, чего бы хотелось достигнуть.

Россия не может идти ни западным, ни восточным, ни, тем более, самобытным путем, ибо *все эти пути бесперспективны*. Западный путь ведет к упадку духовности, восточный — к отходу от достижений цивилиза-

² На мой взгляд, удачный термин, предложенный М.М. Решетниковым.

ции, самобытный — назад, в прошлое, в очередную пропасть. Но, как известно, и строить новые утопии опасно, поскольку любые предполагаемые той или иной группой социальные идеалы при своем воплощении легко превращаются в свою противоположность. А, значит, надо искать совершенно новые идеи.

Молчание ягнят

Психология виновата перед обществом в том, что развиваемые ею концепции не оказали сколь-нибудь заметного влияния на социальные процессы в мире. Исключения подтверждают правило. Наиболее значимое воздействие на поведение людей, пожалуй, оказала теория эмоций У. Джеймса, ныне считающаяся опровергнутой. По Джеймсу, эмоции есть следствие моторных проявлений: мы плачем не потому, что нам грустно, и смеемся не потому, что нам весело, а, наоборот, мы грустим, потому что плачем, и веселимся, потому что смеемся. В итоге люди в Европе и в Северной Америке, как правило, даже не догадываясь о теории Джеймса, стали чаще улыбаться в надежде, что жизнь от этого станет радостнее. Но вряд ли такое влияние отвергнутых психологических теорий может говорить о существенной роли психологии в обществе. З. Фрейд, как утверждает С. Пинкер (*Pinker, 1994, p.23*), сумел попасть в десятку самых цитируемых в настоящее время авторов (пропустив вперед Маркса, Ленина, Библию, Шекспира, Платона и Аристотеля). Однако и он более вдохновил художников, чем общественных и политических деятелей. Впрочем, как можно обвинять конкретных строителей общественной жизни, что они никак не отреагировали на построения Фрейда, если сами психологи в своем большинстве уверены: Фрейд построил скорее мифологию, чем научную теорию (пусть даже многие и признают при этом, что он все-таки обнаружил реальные и весьма тонкие механизмы психики).

Психология потому не смогла проявить себя, что оказалась не способной решить важные вопросы и разделилась на множество не согласованных друг с другом взглядов. Как политики могут доверять какой-нибудь психологической теории, если теорий много и все они противоречат друг другу? Разве психологи пришли к согласию в том, какую функцию в человеческой жизни выполня-

ет сознание? Не ясно даже, каким образом человек может проявлять свободную волю и делать самостоятельный выбор. Ибо если поступки человека предопределены какими-нибудь причинами (генетическими, социальными, ситуацией, прошлым опытом, таблицей случайных чисел или чем угодно еще), то его выбор не свободен, а, значит, он не может нести за него ответственность. Если же поступки человека не вызваны никакой причиной, то у него и нет оснований их совершать, а, значит, он просто не может принять соответствующего решения. А потому все слова о свободе, правах человека остаются необоснованной политической декларацией, пока не станет ясно, как человек вообще способен осуществить свободное действие. Большинство же психологических школ (от бихевиоризма и психоанализа до когнитивизма) вообще трактуют человека как автомат по переработке информации, не осознающего реальных причин, управляющих его поведением. Постмодернистский же разрыв психологии никуда не продвигает, поскольку он в принципе никуда не направлен, а только сбивает с толку.

К сожалению, психологи боятся делать реальные выводы даже из того, что знают. У. Джеймс в конце XIX в. сформулировал «закон диссоциации образа при изменении сопровождающих элементов». Закон гласил, что сознание, в первую очередь, выделяет в предъявленном объекте те качества, которые отличают его от других объектов, сопровождающих его предъявление (*Джеймс, 1914*). В XX в. психолингвисты также отметили, что смысл слова осознается только в противопоставлении к каким-либо

только через понятие «они». Этот вывод при исследовании студенческих групп экспериментально подтверждают В.С. Агеев и А.А. Теньков и называют «эффектом отрицательной асимметрии начальной самооценки» (см. *«Общение и оптимизация...», 1987, с.182*). Отсюда ясно, почему благородный призыв Рассела-Эйнштейна признать себя принадлежащими к роду человеческому и *забыть обо всем остальном* — психологически не осуществим, ведь понятная оппозиция возникнет, разве лишь, в случае появления инопланетян.

Самоидентификация с другими людьми по любому явно выраженному признаку (по крови, языку, профессии и т.д.) психологически невозможна. При отождествлении себя с какой-либо социальной группой (например, с этносом) человек может рационально обсуждать, почему он относит себя к данной группе, но на самом деле он, прежде всего, не всегда осознавая это, отрицает свою принадлежность к другим подобным группам. Например, чтобы осознать себя русским, вначале необходимо отстраниться от тех, кто русским не является. В противном случае не произойдет национальной самоидентификации. Выделение признака, позволяющего признать себя человеком той или иной национальности, является лишь рационализацией неосознанно сделанных отторжений. Потому сами признаки позднее могут пересматриваться. Устойчива же только не в полной мере осознаваемая оппозиция «я не такой, как они». Но почему психологи обо всем этом молчат? Определять национальность по «чистоте породы», как йоркширских свиней (сравнение П. Сорокина), т.е. по национальной принадлеж-

---

Психологи больше умеют, чем знают. Но и их умения мало используются

другим возможным вариантам понимания. Поэтому, например, термин «акустическая гитара» появился только с появлением электрической гитары, а Первая мировая война стала первой только после начала второй. Переносим это рассуждение на социальные процессы: для того, чтобы, какую-то группу признать *своей*, человек вначале какие-то другие группы оценивает как *чужие*. Иначе говоря, понятие «мы» формируется

ти родителей, столь популярный даже в развитых странах, — это архаический способ мышления, весьма сомнительный с точки зрения генетики и совершенно немислимый этически. На каком основании кому-либо можно запретить считать себя русским, французом или китайцем? А сказанное ведь сразу обостряет проблему толерантности: как научить себя уважать тех, кого заведомо признаю чужими? Как чужих посчитать

не противниками, а столь же славными, но другими?

Психологи больше умеют, чем знают. Но и их умения мало используются. Например, разработаны и апробированы технологии взаимодействия в конфликтной ситуации, ориентированные не на силовое давление, а на понимание и сотрудничество. Но эти технологии не поддержаны соответствующими социальными институтами, а потому их редко используют и в реальной политической борьбе, и в семейной жизни. Не удивительно, что человек начинает отстаивать свои интересы и ценности так, как умеет, — манипуляциями и силовыми методами. Такой способ решения проблем, по-видимому, даже сегодня принимается большинством человечества как чуть ли не единственно возможный. Однако психологи, как никто другой, знают, что временный силовой выигрыш в долгосрочной перспективе абсолютно не эффективен. Ведь проигравший — тоже человек, обладающий свободой воли, а потому он не прощает, когда его свободу *насильно* ограничивают. Проигравшая сторона начинает копить силы, чтобы изменить ситуацию и в подходящий момент поставить в униженное положение победителя. А потому в долгосрочной перспективе, как правило, силовые победы оборачиваются поражением. История учит, что уже спустя 30–40 лет после победы в войне победители гораздо чаще отстают в своем развитии от проигравших. Силовые методы как локальный прием иногда неизбежны, например, в случае непосредственной угрозы жизни, когда требуется действовать быстро и решительно, но они никогда не решают глобальных проблем. Накопленные в прошлом обиды спустя годы и даже века будут переживаться сильнее, чем непосредственно в момент нанесения обиды, — ведь утратив свою непосредственность, эти обиды становятся иррациональными. Отсюда понятно, почему силовыми методами невозможно ни избавиться от экстремизма и терроризма, ни решать другие сложные человеческие проблемы (от политических до семейных).

Особенно опасен по последствиям выигрыш путем манипулирования сознанием. Рано или поздно он будет осознан как откровенный и наглый обман, за который обязательно придется расплачиваться самим манипуляторам или их потомкам. Конечно, если начать манипулиро-

вать сознанием в самом раннем возрасте, то люди привыкают к манипуляциям. Но это-то самое страшное. Ведь зачастую при этом утрачивается человеческое достоинство или интеллектуальные способности. Под мощным воздействием компьютерных игр, клиповой и рекламной видеопродукции, создающих жестко структурированную картинку на экране, сегодняшние дети начинают терять собственное умение самостоятельно организовывать свои зрительные впечатления. Неужели мы хотим, добиваясь тактических успехов в воздействии на подрастающее поколение, воспитать в итоге полуроботов, способных лишь загубить предшествующие достижения культуры и цивилизации?

Но сообщество психологов молчит. Неужели потому, что, околпаченные постмодернизмом, методологическим анархизмом и иже с ними, вообще не верят ни в истинность своих знаний, ни в эффективность с таким трудом добытых умений?

Куда ж нам плыть?

И все же психология в изучении сознания продвинулась далеко вперед. Сегодня становятся более понятными законы, которые управляют работой сознания (см., например, *Аллахвердов*, 1993, 2000). Особенно явно выделяются две тенденции.

Первая тенденция. Сознание конструирует свое представление о мире и побуждает человека жить по законам этого своего мира. В субъективном мире сознания все детерминировано и взаимосвязано, все наполнено смыслами. *Сознание при этом всячески стремится подтверждать те представления, которые имеет.* Психологи часто говорят: мы видим только то, что понимаем, мир в нашем восприятии всегда искажается *до узнаваемости*, из памяти вытесняется то, что *не соответствует* нашим ожиданиям. Сознание так управляет неосознаваемыми процессами, что умудряется *сглаживать* многие возникающие противоречия между имеющимися представлениями и опытом. И даже устойчиво повторяет свои ошибки в самых простых задачах (например, арифметических или мнемических) как бы доказывая самому себе правильность своих предшествующих действий. Так, многие люди упорно делают одни и те же опечатки или неправильно произносят некоторые слова, хорошо зная, тем не менее,

как на самом деле их надо произносить. Подавляющее большинство людей считает себя хорошими, умными, добрыми, знающими все самое важное о мире, и т.д. Сознание всячески стремится подтвердить это свое представление. Поэтому, например, человек обычно объясняет собственные успехи своими достоинствами, а неудачи — случаем, обстоятельствами, невезением и т.д. (Ежели человек изначально считает себя неудачником, то, наоборот, уже успехи будут оправдываться случаем).

Итак, *одна из двух главных жизненных потребностей, создаваемая сознанием и образующая смысл существования человека, — доказать самому себе, что и мир такой, как он думает, и сам он именно такой, как он о себе думает.* И только при подтверждении правильности своей позиции человек испытывает подлинное эмоциональное удовлетворение.

Великую роль в поддержке самооценки играет социум. Человека всегда понимали и уважали в его ближайшем окружении. В культуре стихийно складываются и обеспечивающие эту тенденцию сознания социальные механизмы — например, семья. Однако в возникающем сейчас глобальном мире, где человек получает гигантское количество информации, постоянно перемещается, встречается в сотни раз с большим количеством людей, чем его родители, ему становится нужна и глобальная поддержка. Да и семья как социальный институт сегодня не выглядит столь уж прочным. А *специально* разработанные общественные механизмы обеспечения поддержки и понимания мыслей и чувств человека отсутствуют. Однако только человек, чувствующий, что общество его понимает, может быть уверен в востребованности себя как личности. Власть, признающая наличие сознания у людей, им подчиненных, должна, в первую очередь, учитывать данную тенденцию сознания. Но она пока действует в строго противоположном направлении.

Почему человек для получения справки, затребованной одним чиновником, должен пресмыкаться и часами по несколько раз в неделю стоять в самое неудобное время в очередях к другому чиновнику? И это в компьютерный век, когда сами чиновники могут легко обмениваться необходимой информацией! Но ведь представители власти тоже должны

доказывать самому себе, что они нужны людям. А власть как раз дает одну из самых поразительных возможностей почувствовать собственную значимость. Психологам хорошо известно, что политики обычно сильно переоценивают и свое личное влияние, и влияние принятых ими решений на реальные социальные процессы. Обратите внимание, что мы все время говорим о властителях: какой у них сложный труд, тяжелая жизнь, страшное нечеловеческое напряжение. Но одновременно воспринимаем как подвиг, когда они добровольно слагают с себя свои полномочия.

Чувствуя тотальное непонимание власти, люди способны начать искать способы «достучаться» чуть ли не до всего человечества, увидеть представленность своих ценностей и в политических декларациях, и в СМИ. Стоит ли удивляться организации ТВ-шоу террористами — чем красочнее картинка на экране и чем больше ужасаются произошедшим все люди, тем реально больше надежды у террористов на понимание. Ведь, в конце концов, полагают они, должно же человечество задуматься, почему мы идем на столько жертв! В условиях глобализации отсутствие продуманных социальных институтов понимания людьми друг друга становится особенно опасно.

Сознание так устроено, что человек неизбежно отождествляет нечто действительное, в частности, отождествляет самого себя с какой-либо группой людей. Поскольку люди, принадлежащие к одной культуре, к одной социальной группе искажают реальность более-менее сходно, постольку эти искажения их и объединяют. Чувство «я такой же, как и другие» создает хотя бы иллюзию взаимопонимания. Культура всегда пыталась найти способ достижения взаимопонимания между людьми. Но чаще находила его не в рационально организованных процессах, а в религии. Однако *религиозная вера* опирается именно на веру, а не на опыт или рациональные убеждения — если бы религию можно было доказать, вера была бы не нужна. Никакой опыт не может вступить в противоречие с верой, ибо вера опирается на то, что в реальном («видимом») опыте не может быть дано, так как религиозная картина заведомо описывает Невидимую Реальность. Совместное исполнение ритуалов не имеет никакого смысла, если люди не одинаково

во понимают то, что они делают. Сознание же человека обязательно приписывает смысл всему, что он делает. Поэтому участие в совместных ритуалах с необходимостью побуждает людей чувствовать, что они солидарны друг с другом, что они друг друга правильно понимают. Религиозная картина мира, однако, консервативнее всех остальных картин мира, создаваемых культурой. Она почти не корректируется. Все верующие всегда искренне уверены именно в своей исходной правоте (потому мусульмане называют себя *правоверными*, мы называем свою культуру *православной*, католики в самоназвании выражают уверенность, что их единственно правильная религия просто охватывает всю Вселенную и т.п.). Все это не способствует возможности договориться. Как, например, мусульмане должны воспринимать западную цивилизацию, целиком опирающуюся на банковский капитал, если пророк в Коране объявил, что давать деньги в рост — страшный грех? Как между разными конфессиями и культурами возможно взаимопонимание?

Договоренность — это всегда результат рационального процесса, а не веры. А потому рано или поздно придется создавать рациональные социальные институты, специально направленные на поддержку и понимание существующих у людей картин мира.

Вторая тенденция. Сознание предназначено для того, чтобы создавать такие представления, которые адекватны миру. Пусть картина мира всегда субъективна. Пусть она содержит множество искажений. Да, это скорее шарж на реальность, чем точное изображение. И все же и здравый смысл, и многочисленные исследования показывают, что *сознание стремится (и ему хотя бы частично это удается) делать свои субъективные представления все более адекватными реальности*. Культура, различные социальные влияния снижают произвол в возможных вариантах построения субъективных картин. В этом охранительная функция культуры. И все-таки, разумеется, смена субъективной картины мира тоже случается — пусть трудно и с большим запаздыванием. Наблюдается даже исправление искажений, вносимых культурой в картину мира, хотя последнее происходит совсем медленно.

В культуре давно созданы об-

разовательные системы, направленные на повышение адекватности понимания окружающего мира. Но здесь сразу возникает проблема: знания могут быть дарованы только сознанию, знаний вне сознания не существует. А поскольку власть считает, что сознания нет, то оно и никак не может понять, зачем людям нужны знания. Обычно в этом суть всех образовательных реформ, затеваемых властью. Главное — надо быстренько вбить в голову учащимся какую-то информацию, отработать у них необходимые навыки и, в конечном счете, заставить людей работать во имя искусственно созданной властью цели — например, во имя денежной нужды наркотика. Для такой власти нужны не образованные, а хорошо наученные люди. Правда, полностью истребить образованных людей никакая власть не в силах. По крайней мере, потому, что ее представители имеют собственных детей. А к своим детям очень трудно относиться как к роботам. Поэтому люди, облеченные политической или финансовой властью, обычно хотят, чтобы их собственные дети учились у высоко образованных педагогов.

Образовательные системы — пусть плохонько — все же как-то работают. Все представители современной цивилизации потому ее и *представляют*, что прошли соответствующее обучение. Однако практически не существует никаких социальных институтов, направленных на повышение адекватности понимания самого себя. В развитых странах (и, в частности, в России) постоянно возрастает потребность в контактах с психотерапевтом, задача которого и состоит в том, чтобы человек лучше осознал сам себя, стал адекватнее самому себе. Однако психотерапевтическая помощь не может заменить общественные механизмы, способствующие адекватной самооценке. Необходимо специальное конструирование таких механизмов. Об этом, хоть и немного наивно, говорил Дж. Морено, веря в возможности применения своей социометрии в качестве общественно значимой оценки всех людей. Общество будущего должно найти приемлемые способы корректировки своей самооценки.

Социум играет главную роль и в изменении самооценки. Если социальная группа, с которой человек себя идентифицирует, задает идеал

«рыночного человека», то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму своей рыночной стоимости и, соответственно, стараться ее повышать. Если социум задает идеал «человека долга», то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму следования заданным данной культурой или социальной группой нормативов поведения. В коллективистских культурах также часто возникает жертвенная позиция, требующая оценивать себя по степени ущемления собственных интересов ради интересов окружающих людей. Все эти и другие подобные (якобы, объективные) критерии, однако, не только не ведут к реальной проверке самооценки, но способны разрушить самоидентичность личности. Э. Фромм справедливо называет выбор таких критериев неплодотворными ориентациями характера. Если, например, сознание некоего человека выстроило для себя «рыночный» идеал и опирается на вытекающие из такого взгляда критерии самооценки, то в ситуации, когда обнаруживается, что рыночная цена этого человека вдруг упала, он отнюдь не становится более адекватным, а просто погружается в глубокую депрессию. Высокая рыночная цена реально никак не связана с добротой, нравственными и духовными ценностями, она даже весьма мало связана с умом или талантом. Социум влияет на самооценку, но влияет стихийно и далеко не всегда делает ее адекватнее.

Все существующие социальные институты решают исключительно обслуживающие задачи и почти никак не способствуют эффективной работе сознания. Грубо говоря, и политики, и чиновники занимаются совсем не тем, чем бы им следовало заниматься. Создание материальных благ — важная, но вспомогательная задача (ведь с милым сердцу обществом и в шалаше рай). Людям нужна реальная социальная поддержка. (То, что сегодня называется социальной поддержкой, — обычно всего лишь поддержка материальная). *Надо конструировать специальные социальные институты, призванные поддерживать взгляды людей на мир и на себя (это будет делать их если и не счастливыми, то, по крайней мере, удовлетворенными), и на то, чтобы исправлять искажения, присущие этим взглядам (что будет делать их адекватными).*

Конечно, сказанное может показаться не слишком конструктивным. Кто знает, как оценивать работу политиков, чиновников или образовательные системы по тому, как они учат людей понимать друг друга и самих себя? Но ведь мной предложено лишь *направление* движения, а не конкретные шаги по реализации выбранного курса. Процесс создания но-

больше, чем знали об этом в XVII в., когда изгнанный из еврейской общины бедный шлифовальщик стекол, за весь день, съедая только один пропитанный молоком гренок с маслом и выпивая лишь одну кружку пива (это в Голландии-то!), писал свой «Богословско-политический трактат».

И второе замечание, очень важное. Давно известно, что ум и обра-

Сознание стремится делать свои субъективные представления более адекватными реальности

вых социальных институтов (к тому же, при обязательной и существенной переделке старых!) — сложнейшая задача. *И конструировать модели будущего нужно не только собравшимся в узком кругу пусть даже самым мудрым представителям человечества, а вместе с той молодежью, которой предстоит это будущее создавать, в нем жить и по ходу не только исправлять уже допущенные и, к сожалению, неизбежные ошибки в проектировании будущего, но и строить новые проекты.* Конечно, и для организации такой совместной работы уже необходимо применять специальные психологические технологии, облегчающие межпоколенческое и межкультурное взаимопонимание.

Два замечания под занавес. Первое — о древности обсуждаемых проблем. Т. Гоббс, с грустью наблюдая за поведением англичан в смутное время гражданской войны, приходит к выводу, что любая форма правления лучше ее отсутствия, что без государства, т.е. без аппарата подавления, люди погибнут от одиночества, бедности, жестокости и непристойности. Иную позицию выразил Б. Спиноза: «Цель правительства не в том, чтобы превратить людей из разумных существ в животных или марионеток, а в том, чтобы дать им возможность совершенствовать свои умственные способности и тело, применять свой разум без ограничений». Российские государи, какой бы титул они ни имели, всегда хотели видеть в себе спасителей отечества, без которых страна погибнет, т.е. спасали неразумных людей от них самих, принимая тем самым позицию Гоббса. Думаю, пришла пора пойти другим путем и прислушаться к Спинозе. Тем паче, что современная психология знает о разуме и сознании много

звание отнюдь не делают людей счастливыми — все помнят и название известной пьесы А.С. Грибоедова, и слова Экклезиаста: «во многом знании много печали и кто умножает познание, умножает скорбь». Две важнейших тенденции — желание быть счастливым (или хотя бы эмоционально удовлетворенным) и стремление быть адекватным — всегда находились, и будут находиться в противоречии друг с другом. А, следовательно, ни одна модель будущего не может быть идеальной. Да и научное познание человека находится в вечном движении. Абсолютная Истина так же недостижима, как недостижимо и полностью идеальное общество. Но научное знание постоянно развивается, и каждая новая эпоха улучшает наши представления (догадки) о мире. Невозможно строить утопии, в которых все люди всегда жили бы счастливо. Тем не менее, каждая новая эпоха будет реализовывать все лучшие и лучшие сценарии будущего. И речь идет не столько об осуществлении новых технологических фантазий, сколько о создании общественных условий, адекватных законам работы сознания. Пора власти осознанно отказаться от исполнения психопатологических ролей, перестать воспринимать людей как спящих бессознательных роботов и начать реально создавать условия для эффективной деятельности сознания всех людей, находящихся от нее в зависимости. При этом модели социального развития должны изначально проектироваться как потенциально изменяемые, в том числе и потому, что конструирование таких моделей вынуждено опираться на вечно развивающуюся психологическую науку.